

О. С. Колосович

**ЭКСТРАДИЦИОННОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РОССИИ:
ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ
И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ**

Волгоградская академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации, Волгоград, Россия
Поступила в редакцию 24.10.2023 г.
Принята к публикации 30.01.2024 г.
doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-2

22

Для цитирования: Колосович О. С. Экстрадиционное правовое регулирование в России: взаимосвязь международных и национальных положений // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №1. С. 22 – 30. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-2.

Анализируются теоретические положения международных актов и отечественного законодательства, регламентирующих экстрадицию, исследуется взаимозависимость международного и национального правового регулирования экстрадиции. Сделан акцент на механизме обеспечения национальных интересов в международных договорах об экстрадиции. Исследование проводилось в соответствии с общенаучным принципом объективности с использованием формально-юридического метода, методов абстрагирования, обобщения и общелогических методов. Изучение механизмов обеспечения национальных интересов в ходе применения экстрадиционных норм позволило выявить отдельные проблемы их регламентации. К факторам, препятствующим более эффективной реализации рассматриваемых положений, отнесены их сложность, многоуровневость и недостаточная правовая регламентация, отсутствие международных договоров с отдельными странами, влияющие на выполнение международных обязательств политической обстановки в сотрудничающих государствах. На основе проведенного анализа правовых норм и научных взглядов по обозначенным вопросам сделан ряд выводов: о существовании достаточно эффективного механизма обеспечения национальных интересов стран – участников многосторонних международных договоров об экстрадиции; о наличии возможностей для создания на основе национального законодательства, региональных и двусторонних международных договоров условий и порядка экстрадиции, отличных от регламентируемых универсальными международными договорами, в целях обеспечения национальных интересов; о необходимости совершенствования правового регулирования отдельных этапов экстрадиционной процедуры. Полученные результаты представляется возможным использовать при дальнейшем исследовании экстрадиции как вида международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Понимание взаимосвязи экстрадиционных международных и национальных положений имеет важное значение для последующего теоретического осмысления указанного института, унификации взгляда на рассматриваемое правовое явление в науке и в правоприменительной практике.

Ключевые слова: международное сотрудничество, правовое регулирование, уголовно-процессуальное право, экстрадиция

В Уставе Организации Объединенных Наций (ООН) в качестве одной из целей ее создания обозначено развитие дружественных отношений между нациями и осуществление «международного сотрудничества в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера» (ст. 1). Взятый мировым сообществом курс на развитие международных отношений способствовал совершенствованию совместной деятельности в различных сферах. Постепенно формировалась и нормативная база для сотрудничества государств. В последние несколько десятилетий эта практика привела к существенному росту международной активности населения многих стран. Ее пик наблюдался на территории постсоветских государств, что было обусловлено происходившими в них политическими, социальными и экономическими изменениями.

Появление цифровых технологий также оказало огромное влияние на интенсивность и характер указанных отношений, предоставляемые услуги и товары, обмен информацией, коммуникационные средства. Границы между государствами в отдельных сферах их жизнедеятельности стали формальностью, что способствовало росту международного сотрудничества преступников, появлению новых способов совершения и сокрытия преступлений, возможностей скрыться от уголовного преследования или скрыть имущество, добытое преступным путем, на территории другой страны. Данные тенденции не обошли стороной и Россию. Закономерно, что в наши дни международное сотрудничество стало обыденным явлением при производстве по уголовному делу.

Так, «в 2020 г. НЦБ Интерпола МВД России и его территориальные подразделения обеспечили информационное сопровождение 39,1 тыс. уголовных дел и 4,4 тыс. дел оперативного учета... С использованием системы удаленного доступа к информационным ресурсам НЦБ и Генерального секретариата Интерпола проверено более 56,4 млн объектов... в том числе 47,3 млн физических лиц, 2 млн автомашин, 7,1 млн документов» [1].

С момента начала специальной военной операции формат общения правоохранительных органов некоторых иностранных государств изменился, но сегодня по вопросам оказания правовой помощи Россия является участником свыше 130 международных договоров с компетентными органами зарубежных стран [2]. Однако следует согласиться с мнением отдельных ученых о необходимости продолжать практику заключения двусторонних договоров о взаимодействии «в уголовно-процессуальной сфере» [3, с. 84].

Самым древним и наиболее востребованным видом международного сотрудничества является выдача, иногда называемая экстрадицией¹.

Несмотря на выход России из Совета Европы и прекращение взаимодействия с Европейским судом по правам человека, сотрудничество по вопросам экстрадиции продолжает осуществляться на основе международных договоров Российской Федерации. В то же время одни ученые отмечают тенденцию отказа в экстрадиции в Россию по политическим мотивам [4, с. 3], другие – периодическое нарастание политической на-

¹ В настоящей статье автор будет применять термин «экстрадиция».

пряженности с одновременным отказом некоторых стран добросовестно исполнять международные обязательства [5, с. 28]. До XVII в. подобная ситуация была обычным явлением: А.Г. Волеводз пришел к выводу, что в большинстве случаев экстрадиционная практика того времени определялась случайными политическими обстоятельствами, а не потребностью во взаимной правовой помощи [6, с. 68, 73].

В качестве негативного примера следует назвать отказ Великобритании в экстрадиции Беджамова, одного из обвиняемых в хищении 156 млрд рублей [7]. Последним примером эффективного сотрудничества стало решение Черногории об экстрадиции И. Фомина для привлечения к уголовной ответственности за насильственные преступления в отношении школьницы (в международный розыск объявлен в декабре 2022 г., запрос о выдаче был направлен в марте 2023 г., и уже в сентябре того же года принято решение об экстрадиции) [8].

Несмотря на указанные негативные тенденции, количество направленных запросов об экстрадиции увеличилось (в 2022 г. — 418, в 2021 г. — 379, удовлетворено запросов за этот же период соответственно 178 и 148) [9].

С древних времен и до настоящего времени экстрадиция во многом зависела от характера сложившихся между странами отношений и ее правового регулирования [10, с. 7]. Тем не менее правовое регулирование экстрадиции до сих пор не имеет единообразного понимания ни в науке, ни в правоприменительной практике. На наш взгляд, это обусловлено несколькими обстоятельствами. Прежде всего влияние оказывает двухуровневое правовое регулирование экстрадиционных отношений: международное и национальное [11, с. 10]. Определенная сложность в понимании также обусловлена регулированием данной деятельности различными отраслями права: международным, государственным, уголовным, уголовно-процессуальным [12, с. 218]. Соответственно, экстрадиционные нормы и практика их применения анализируются учеными исходя из принадлежности норм к отраслевой науке, то есть, как правило, исследуются отдельные аспекты экстрадиции. Правоприменитель же, наоборот, при осуществлении экстрадиции должен ориентироваться во всех нюансах правового регулирования.

К сожалению, единому пониманию рассматриваемого правового явления не способствует и существование в отечественной науке различных точек зрения на исторические предпосылки возникновения экстрадиции в России [13, с. 150–151] и на сам термин «экстрадиция» [14, с. 436], а также на главенствующую роль в правовом регулировании экстрадиции той или иной отрасли права [15, с. 111].

Российское законодательство тоже не может обеспечить единообразного понимания экстрадиции как в вопросах применяемой в нормативных актах терминологии [16, с. 67–68], так и в нормативном закреплении оснований и порядка экстрадиции. Этим и обусловлена необходимость проведения дополнительного исследования правового регулирования экстрадиции.

Отметим, что экстрадиция является сложным и многогранным процессом, который зависит от множества факторов и обстоятельств, причем специфических для каждого конкретного случая. Более того,

экстрадиция, обладая правоограничительным характером, обязывает правоприменителя осуществлять деятельность по установлению требований для ее применения, обеспечению прав и законных интересов лица, подлежащего экстрадиции. При этом каждый случай экстрадиции регулируется индивидуальной совокупностью правовых норм исходя из имеющих значение для экстрадиции обстоятельств (гражданство лица, в связи с совершением какого преступления направлен запрос об экстрадиции, какой международный договор заключен с запрашивающей страной и др.). То есть по каждому запросу решение об экстрадиции принимается с учетом всех обстоятельств и норм права, включая национальное законодательство и международные обязательства страны.

Назовем основные нормативные правовые акты, регулирующие экстрадицию в России:

1. Конституция Российской Федерации, гарантирующая право каждого человека на защиту прав и свобод. Применяется в процессе экстрадиции, чтобы обеспечить справедливость и предотвратить нарушение прав личности, подлежащей экстрадиции.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ), устанавливающий условия экстрадиции.

Так, в ст. 61 Конституции Российской Федерации и ст. 13 УК РФ установлен запрет экстрадиции гражданина Российской Федерации. Согласно ст. 63 Конституции Российской Федерации, не допускается экстрадиция другим странам лиц, преследуемых за политические убеждения, а также за действия (или бездействие), не признаваемые в Российской Федерации преступлением. Статья 13 УК РФ также предусматривает условия для экстрадиции иностранных граждан или лиц без гражданства, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации и находящихся на территории Российской Федерации, для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), устанавливающий процедуры для передачи запрошенного лица, основания и порядок направления запроса об экстрадиции.

4. Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры, заключенные Россией с другими странами, включающие положения об экстрадиции.

Согласно ст. 15 Конституции Российской Федерации, ст. 3 УПК РФ, ст. 5 федерального закона от 15 июля 1995 г. №101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», ведущая роль в правовом регулировании отводится общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам Российской Федерации, которые содержат общие правовые стандарты сотрудничества, в том числе при экстрадиции. Не оспаривая это, считаем важным обратить внимание на значительную зависимость международных положений об экстрадиции от национального законодательства, о чем подробнее будет сказано ниже.

Особенности применения международного договора в конкретных правоотношениях обусловлены его видом и содержанием. Выделяют универсальные, региональные и двусторонние международные договоры (см., напр.: [10, с. 7]).

В отсутствие между странами международного договора отношения выстраиваются по принципу взаимности (ч. 1 ст. 460 УПК РФ). Это означает, что Россия экстрадирует только в случае, если соответствующая страна тоже согласна экстрадировать лицо, находящееся на ее территории, по аналогичному запросу России. Если иностранное государство не предоставляет экстрадицию лицам, обвиняемым в тех же преступлениях, Россия может отказать в экстрадиции согласно указанному принципу.

Для стран-участниц универсальным документом является Европейская конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 г. (далее — Конвенция), содержащая, как представляется, достаточно противоречивые моменты, но отвечающие национальным интересам.

С одной стороны, в Конвенции заявлено о необходимости принятия единообразных экстрадиционных норм для их унификации в национальных законодательствах. С другой стороны, процедура экстрадиции регулируется законодательством запрашиваемой страны, если Конвенцией не предусмотрено иное (ст. 22 Конвенции). При этом экстрадиция зависит от ряда условий, предусмотренных национальными законодательствами сотрудничающих государств.

К примеру, экстрадиция возможна за преступления, наказуемые национальными законодательствами запрашивающей и запрашиваемой стран с «лишением свободы или в соответствии с постановлением об аресте на максимальный срок по крайней мере в один год» (п. 1 ст. 2 Конвенции).

Россия может отказать в экстрадиции лица, если сочтет, что это нарушит его основные права и свободы или противоречит внутренним интересам страны, или есть данные, указывающие на то, что экстрадиция может вызвать серьезные гуманистические проблемы для лица, подлежащего экстрадиции (ст. 1 федерального закона от 25 октября 1999 г. № 190-ФЗ «О ратификации Европейской конвенции о выдаче, Дополнительного протокола и Второго дополнительного протокола к ней»).

Положения Конвенции также не исключают возможности заключения между странами договора о дополнении или упрощении экстрадиции, а при желании — установления ее особого порядка путем заключения многостороннего или двустороннего международного договора с последующим уведомлением Генерального секретаря Совета Европы об исключении применения положений Конвенции (ст. 28 Конвенции). Такие региональные договоры были заключены Россией со странами СНГ: конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. и от 7 октября 2002 г., благодаря чему появилась упрощенная процедура экстрадиции со странами СНГ.

Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. регулируется экстрадиция участников организованных преступных групп. Данная конвенция выступает в каче-

стве универсального договора для экстрадиции участников таких групп. Следует отметить, что этот документ, как и Европейская конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 г., по разным процедурным вопросам отсылает к национальному законодательству сотрудничающих стран.

Ранее упоминалось, что одним из основных отечественных законодательных актов, регулирующих экстрадицию, является УПК РФ. Помимо него нормы экстрадиционного характера содержатся и в других законах, например в ст. 14 федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (о задержании лиц, в отношении которых поступило требование об экстрадиции).

Вместе с тем важнейшие элементы экстрадиционной процедуры не нашли отражения в отечественных законодательных актах и содержатся в подзаконных актах. Так, проведение экстрадиционной проверки осуществляется в порядке, предусмотренном указанием Генпрокуратуры России от 5 марта 2018 г. № 116/35 «О порядке работы органов прокуратуры Российской Федерации по вопросам выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора», а деятельность по объявлению лица в международный розыск, действия правоохранительных органов при обнаружении на территории России лица, находящегося в международном розыске, и другие сопутствующие этому положения о международном сотрудничестве содержатся в приказе МВД РФ № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 6 октября 2006 г. «Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола».

Неясность и непоследовательность существующих требований, предъявляемых к экстрадиции, порядка ее проведения обусловили необходимость принятия постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания».

Резюмируя изложенное, отметим, что Российская Федерация является участником ряда международных договоров, регулирующих экстрадицию и меняющих свою юридическую силу в зависимости от конкретного запроса об экстрадиции и национального законодательства сотрудничающих стран. Экстрадиция представляет собой сложный процесс, который обусловлен многими обстоятельствами, включая политические, дипломатические отношения, международные соглашения, международные стандарты прав человека. Требования, предъявляемые к экстрадиции, могут варьироваться в зависимости от изменения национального законодательства и международных двусторонних договоров России.

Таким образом, российское законодательство содержит действенные механизмы обеспечения национальных интересов при экстрадиции, а универсальность и верховенство многосторонних международных договоров определяются в каждом экстрадиционном случае и зависят от участия России в двусторонних или региональных международных договорах с запрашивающей страной по вопросам экстрадиции.

Список литературы

1. Уточненный годовой отчет о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2020 год // МВД Медиа : информационный интернет-портал. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/2126203> (дата обращения: 12.08.2023).

2. Перечень международных договоров Российской Федерации по вопросам правовой помощи, выдачи и передачи лиц, осужденных к лишению свободы // Министерство юстиции Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/perechen-mezhdunarodnyh/> (дата обращения: 12.08.2023).

3. Черепанов М.М., Бывальцева С.Г. О некоторых актуальных проблемах организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации по участию в международном сотрудничестве в реалиях настоящего времени // Международное право. 2023. № 1. С. 83–95.

4. Джигирь А.И. Институт выдачи лиц, совершивших преступление: проблемы уголовно-правовой регламентации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.

5. Безбородов Ю.С., Халафян Р.М. Международное право и мировой правопорядок: девальвация или трансформация? // Закон. 2022. № 8. С. 13–29.

6. Волеводз А.Г. Правовые основы новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.

7. В Генпрокуратуре России утверждено обвинительное заключение по уголовному делу о хищении свыше 156 млрд рублей. 02.10.2023 // Генеральная прокуратура Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://egr.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=90596283> (дата обращения: 02.10.2023).

8. Черногория по запросу российской стороны экстрадирует обвиняемого в насильственных преступлениях в отношении несовершеннолетней. 28.09.2023 // Генеральная прокуратура Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://egr.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=90507398> (дата обращения: 28.09.2023).

9. Интервью Генерального прокурора Российской Федерации Игоря Краснова «Известиям» // Генеральная прокуратура Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <https://egr.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=84754075> (дата обращения: 20.09.2023).

10. Михайленко К.Е. Межгосударственное регулирование оказания правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (на примере стран СНГ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

11. Несмачная Н.В. Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора: правовое регулирование и порядок осуществления в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2016.

12. Смолькова И.В. Правовая природа института выдачи (экстрадиции) лица для уголовного преследования или приговора // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 2. С. 218–226.

13. Голикова О.А. Формирование института выдачи преступников в царской России // Вестник Кузбасского института. 2015. № 4 (25). С. 149–154.

14. Смолькова И.В. Выдача или экстрадиция: вопросы терминологии // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23, № 2. С. 435–442.

15. Евсичева Л. Л. Экстрадиция, выдача и передача как институты международного сотрудничества в российском уголовном процессе (сравнительно-правовой аспект) // Человек: преступление и наказание. 2013. №1 (80). С. 109–113.

16. Колосович О. С. Конкуренция нормативных положений и научных воззрений в понимании термина «экстрадиция» // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. №3 (66). С. 67–72.

Об авторе

Оксана Сергеевна Колосович — канд. юрид. наук, доц., докторант, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Россия.

E-mail: 1019810198@mail.ru

29

O. S. Kolosovich

LEGAL REGULATION OF EXTRADITION IN RUSSIA: THE INTERPLAY BETWEEN INTERNATIONAL AND NATIONAL PROVISIONS

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Volgograd, Russia

Received 24 October 2023

Accepted 30 January 2024

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-2

To cite this article: Kolosovich O.S. 2024, Legal regulation of extradition in Russia: the interplay between international and national provisions, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 22–30. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-2.

This article analyses the theoretical provisions of international acts and domestic legislation regulating extradition and explores the interplay between international and national legal frameworks for extradition, focusing on a mechanism for safeguarding national interests within international treaties on extradition. The study follows the general research principle of objectivity, using, in particular, the formal legal method, abstraction, generalisation and general logical methods. The investigation of mechanisms for defending national interests when applying extradition norms made it possible to identify specific regulation problems. Factors hindering more effective implementation of the said provisions include their complexity, multi-level nature, insufficient legal regulation, the lack of bilateral treaties and the influence of national political dynamics on the implementation of international obligations. Analysing relevant legal norms and research perspectives leads to several conclusions. Firstly, there exists a fairly effective mechanism for safeguarding the national interests of countries party to multilateral international extradition treaties. Secondly, national legislation and regional or bilateral treaties can establish extradition conditions and procedures different from those outlined in universal international treaties for the sake of national interests. Thirdly, there is a need for improvement in the legal regulation of individual stages of the extradition procedure. These findings may be utilised in further research on extradition as a type of international coopera-

tion in criminal proceedings. Therefore, comprehending the relationship between international and national extradition provisions is the key to a firm theoretical grasp of this institution and a common understanding of the legal phenomenon in research and law enforcement practice.

Keywords: international cooperation, legal regulation, procedural criminal law, extradition

The author

Dr Oksana S. Kolosovich, Associate Professor, Doctoral Student, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russia.

E-mail: 1019810198@mail.ru